

К.Б. Ермишина

БОГОСЛОВИЕ И АСКЕТИЧЕСКИЙ ОПЫТ
В РАБОТАХ АРХИМАНДРИТА СОФРОНИЯ (САХАРОВА)

Жизнь и духовный опыт архим. Софрония (Сахарова; 1896–1993), известного богослова, мыслителя, подвижника, ученика преп. Силуана Афонского, мало изучены в России, в то время как на Западе, в частности в Греции и на Афоне, его наследие с любовью принимают и хранят многочисленные последователи и почитатели. Недостаточное внимание к трудам архим. Софрония в России может быть объяснено в том числе отсутствием традиции богословской культуры, прерванной «вавилонским пленением» Русской Православной Церкви в советское время, последствия которого сказываются и сегодня. Форпостом православия на Западе в этот период выступила Русская церковь в изгнании с ее центром — Свято-Сергиевским подворьем в Париже. Не случайно оно было названо в честь преп. Сергия Радонежского. В России сердцем православия, как известно, является Свято-Троицкая Сергиева лавра. Подобно этому, центральное значение для Церкви в рассеянии приобрело Свято-Сергиевское подворье, из которого пастыри и благочестивые миряне посылались во все концы западного мира для проповеди и утешения людей.

Архим. Софроний (Сахаров) на протяжении всей своей жизни также был связан с этим центром Русской церкви в изгнании. Святость преп. Сергия, его личность с трудом могут быть поняты в наше время, поскольку данный тип духовной жизни, породивший, например, феномен Андрея Рублева, ученика преп. Сергия, с его неземной, грандиозной иконописью, был слишком тесно связан с прошедшей эпохой, ее реалиями, архитектурой, типом образованности, способами ведения хозяйства, организации общественной жизни и быта и т. д. Тем не менее некоторое существенное ядро духовных переживаний и состояний должно быть общим как для подвижников прежних эпох, так и для наших современников, идущих тем же узким и трудным путем сохранения евангельских заповедей. Богословский и религиозный опыт архим. Софрония, описанный в его книгах, имеет для нас особую ценность, приоткрывает «лабораторию святости», что дает возможность постижения важнейшего духовного центра русской цивилизации: монастыря преп. Сергия Радонежского.

Прежде всего следует отметить, что архим. Софроний в миру был Сергеем Семеновичем Сахаровым, т. е. носил имя, непосредственно связанное с преп. Сергием, его святым покровителем. В детстве и юности он любил молиться в часовне преп. Сергия Радонежского в районе Лубянки, о чем впоследствии неоднократно вспоминал. Скончался архим. Софроний на праздник преп. Сергия и Германа Валаам-

ских, таким образом завершив мистический круг связи с этим именем. Как и большинство русских подвижников и мыслителей, архим. Софроний придерживался имяславческих взглядов, подчеркивая связь слова и заключенной в нем энергии: «...мы знаем также, что никакое человеческое тварное слово-понятие не является достаточным для выражения того предвечного Бытия, приобщение к Которому дается Святым в видениях и откровениях. И все же реален сей творимый Богом мир, реально и слово человека, образа Божия и подобия; и оно имеет, несомненно, свою онтологическую основу, как отображение Бога-Слова, собезначального Отцу» [Софроний (Сахаров) 1954, с. 21]. Между тем позицию имяславцев, вызвавшую кризис 1913 г. на Афоне, архим. Софроний не поддерживал, полагая, что верная по сути мысль была ими изложена с оттенком радикализма, поскольку они не имели соответствующего образования и навыков изложения своего богословия. Для него сама возможность концептуализации темы имени Бога представлялась сомнительной, потому как не весь духовный опыт может быть предметом богословия...

Сергей Сахаров в период до эмиграции увлекался живописью. Он готовил себя к профессиональному занятию искусством, считая, что все его жизненные силы должны принадлежать этой области. В поисках познания мира и его сущности С. Сахаров на восемь лет ушел от традиционного церковного пути. В этом смысле он был сыном своей эпохи: смутной, ищущей, талантливой, беспокойной, с тягой к авангарду, футуризму, революционным экспериментам. Его интересовали трансцендентальная медитация и мистическое постижение высшей реальности. Эти опыты он проецировал в своем творчестве, увлекаясь абстракционизмом: «Каждый человек имеет то или иное дарование воспринимать мир. Скажем, писатели через слово в литературе воспринимают мир <...>. Для меня мир был живопись. Тайна этого видения меня держала постоянно как бы прикованным к себе. И от этого чувство красоты принимало болезненные формы — болезненные потому, что все мои средства, которыми я располагал в живописи, были ничто <...>. Все мое бытие было заключено в искании выхода из узких рамок времени и пространства» [Софроний (Сахаров) 1997, с. 22]. Память о религиозном опыте детства, тем не менее, не покидала С. Сахарова, заставляя его искать согласования евангельского христианства и высшего философского синтеза.

С. Сахаров эмигрировал из России в 1921 г., жил в Италии, Германии и Франции. В Париже он совершил решительный поворот к Церкви и церковной вере, сблизился с участниками Русского студенческого христианского движения (РСХД). Два противоборствующих начала в душе — молитва и живопись — не могли быть согласованы, поскольку и то и другое дело требовало полной отдачи, посвящения жизни. Архим. Софроний вспоминал: «И я, хотя не без боли, решил пойти в богословский институт, чтобы ближе познакомиться с христианским мировоззрением, христианскими взглядами, христианским учением. Пребывая там, я не нашел того, чего искал: я узнавал имена, даты, кто что говорил, узнавал об исторических трудностях Церкви и так далее, а мне хотелось слышать только о том, как *достигнуть вечности*» [Там же, с. 25].

С. Сахаров стал одним из первых студентов Православного богословского института преподобного Сергия Радонежского, занятия в котором начались

30 апреля 1925 г., в четверг Фоминой недели. Студентам был прочитан вводный богословско-исторический курс, а осенью предстояло сдать экзамены. Занятия шли все лето 1925 г. Осенью к преподавателям (еп. Вениамин Федченков, С.С. Безобразов, А.В. Карташев, П.Е. Ковалевский) присоединились прот. С. Булгаков и В.В. Зеньковский; началось чтение первого академического курса. Вскоре прибыли В.Н. Ильин, Б.П. Вышеславцев, Г.В. Флоровский, Л.А. Зандер. Затем присоединились Г.П. Федотов, Н.О. Лосский, Н.А. Бердяев и др. Среди сокурсников Сергея Сахарова были еп. Василий (Кривошеин), архиеп. Иоанн (Шаховской), священник Евграф Ковалевский, священник Дмитрий Клепинин. Духовным наставником С. Сахарова в этот период был прот. Сергей Булгаков, руководство которого, судя по всему, имело весьма формальный характер и мало касалось внутренней жизни будущего архимандрита. Большое влияние на него и на Всеволода Кривошеина оказал первый инспектор Православного богословского института преподобного Сергия Радонежского еп. Вениамин (Федченков), к которому они обращались с духовными вопросами. Прочувшись в институте полгода, С. Сахаров вместе с В. Кривошеиным выехал в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев в Хопово, где проходил съезд РСХД (28 августа — 4 сентября 1925 г.).

По воспоминаниям очевидцев, съезд был значительным начинанием, объединившим русских в рассеянии, однако для В. Кривошеина и С. Сахарова не он являлся целью, но святая гора Афон, монашеская обитель, в которую они могли попасть через Югославию, встретив по ряду причин препятствия в получении визы во Францию. В монастыре С. Сахаров и В. Кривошеин очень быстро, буквально через год, приняли постриг. Их связь и в дальнейшем не прерывалась. В письмах к Д. Бальфуру, своему духовному собеседнику, написанных в 1930-е гг. с Афона, архим. Софроний неоднократно упоминал еп. Василия. Он вывел его также на страницах своей самой известной книги «Старец Силуан» (1948) под именем «одного монаха», заведующего библиотекой и отношениями с иностранными посетителями.

Париж, однако, не забыл своих даровитых студентов: так, архим. Софроний писал в письме к Д. Бальфуру о том, что «в 1927 году сюда приезжал г. К., с намерением убедить отца Василия и меня возвратиться во Францию, причем он очень откровенно высказывал предположения парижан (русских) о причинах моего бегства на Афон, находил их неуважительными, обещал все “устроить” и даже материально брал на себя заботы обо мне, лишь бы я вернулся в Париж» [Софроний (Сахаров) 2003, с. 141].

Отличие его внутреннего мира от русских парижан проявлялось и в том, что архим. Софроний не нашел взаимопонимания со своим знаменитым сокурсником, игуменом (будущим архиепископом) Иоанном (Шаховским), прибывшим на Афон в сентябре 1936 г. Относясь с любовью и почитанием к игум. Иоанну как к человеку («Это человек какой-то особой чистоты, как ангел; благодать Божия очевидно почивает на нем» [Там же, с. 249]), архим. Софроний, тем не менее, с грустью отмечал, что тот не понимает самого ценного для него, того, ради чего он удалился от мира. Величайшая, неземная культура монашества, по выражению архим. Софрония, не встретила сочувствия у игум. Иоанна, который придерживался идеалов «белого» иночества, служения в миру, проповеди и труда, соединенного с целомудрием. Су-

ществование монастырей для игум. Иоанна не вполне отвечало современной задаче христианства. Какие же именно идеалы отстаивал архим. Софроний, что привело его в монастырь, а после кончины старца Силуана — в безмолвную келию Святой Троицы на Карулии, в самом диком и опасном месте Афона? Эта причина та же самая, что побудила преп. Сергия Радонежского уйти на Маковецкую гору, покрытую непроходимыми лесами, населенную дикими зверями, малодоступную для людей, и там основать монастырь в честь Святой Троицы.

Стоит вспомнить, что парижский Православный богословский институт преподобного Сергия Радонежского в то время являлся не просто учебным заведением, где можно было получить богословское образование у ведущих русских богословов и философов, но и центром духовным, в котором жизнь учащихся была организована по иноческому образцу: проживание в келиях, нестяжание, лекции, чередующиеся с богослужениями и совместными трапезами, на которых читались святоотеческие поучения. Учащиеся носили подрясники и внешне напоминали послушников. Архим. Софроний, поступив в институт, оставил свое занятие живописью, являвшееся для него главным в жизни, после чрезвычайных событий, особого откровения: «Знаю одного человека в Париже, который с Великой Субботы до третьего дня Пасхи, в течение трех дней, был в состоянии видения, которое в образах нашего земного бытия он находил возможным выразить только словами, что он *видел утро не вечернего дня* <...>. Невечерний же день — вечность» [Софроний (Сахаров) 2003, с. 232]. Соприкосновение с вечностью в ее положительном аспекте (когда человек воспринимает ее как нечто бесконечно ценное — более ценное, чем земная жизнь) изменяет сознание, после чего он способен, как преп. Сергий, жить в месте, совершенно непригодном для нормального существования, даже с точки зрения непритязательного XIV в. Опыт богообщения, созерцания Нетварного Света, покаяния и напряженной внутренней молитвы победил опыт теоретического богословия у архим. Софрония. Как ученый, увлеченный своими открытиями, или влюбленный юноша, не способный думать ни о чем другом, кроме предмета своей страсти, монах, получивший особое откровение, уже не может противиться неудержимому стремлению к вечности, к «подлинному бытию». Тем не менее решение об удалении из мира принимается не как следствие аффекта, слепой страсти, но в результате опыта, сравнения «того» и «этого» бытия, знания, радости и сознательного, ответственного предпочтения духовной жизни. Именно в богословском институте архим. Софроний понял глубинное различие отвлеченного интеллектуально знания о Боге (или о том, как об этом предмете рассуждают другие) и онтологического благодатного знания Бога, что стало одной из самых важных и заметных идей его богословского наследия¹.

Опыт светоносного откровения есть то, что роднит архим. Софрония на самом глубинном уровне с преп. Сергием Радонежским, одним из русских святых, о котором известно, что он был зрителем таинственных откровений, связанных с созерцанием Нетварного Света. Одно из клейм его житийной иконы изображает преподобного причастившимся огнем из евхаристической чаши. Известны

¹ Эту тему архим. Софроний подробно развивает в книге «Видеть Бога как Он есть» [Софроний (Сахаров) 2000]. См. также: [Захария (Захару) 2003].

несколько видений преп. Сергия, ставшие важной частью церковного предания. Свято-Троицкая лавра хранит даже память о некой виртуальной географии видений преподобного: так, Серапионова палата в лавре поставлена на месте явления преп. Сергию Богородицы. Архим. Софроний в своих работах описал условия, при которых подвижник получает истинное откровение (с точки зрения критериологии духовного опыта бывают заблуждения, состояния измененного сознания, душевные болезни и другие духовные патологии). Истинное видение приходит при продолжительных молитвах в духе покаяния и сокрушения или во время скорби, иссушающей страсти гордости, эгоизма, похоти и т. д. (см.: [Иерофей (Влахос) 2013, с. 281, 332 и др.]). Во всех иных случаях видение либо ложно, либо неполно и субъективно, не имеет ценности для Церкви как сообщества христиан. Видения преп. Сергия дают основания предполагать, что он творил с огромным напряжением покаянную молитву, приносил обильные благодарения, но был чужд страстей гордости, гнева, зависти, уныния, сребролюбия и пр.

Преп. Сергей Радонежский стал известен не только в России, но и на христианском Востоке как достигший особых духовных откровений. Через его скромный монастырь осуществлялось общение Русской и Вселенской Церквей, делегация от Вселенского патриарха была послана к преп. Сергию для вручения креста как свидетельства глубокого уважения к его трудам. Тем не менее преп. Сергей стал основателем Свято-Троицкой лавры, со временем превратившейся также в центр научной (в частности, археологической) и богословской работы. И это не случайность. То живое богословие, которое дает мистическое созерцание и безмолвная жизнь, кристаллизуется, как показал и опыт архим. Софрония, в догматическое творчество и письменное богословие. Архим. Софроний различал богословие от ума, при котором человек может даже жить в грехе, не молиться, но при этом писать статьи богословского содержания или читать лекции, и богословие благодатное, когда мысль исходит из сердца, сокрушенного и постоянно молящегося, получающего откровение свыше [Там же, с. 277]. Благодатное богословие есть пророческое служение, при котором в центре всех жизненных сил ставится преображенное сердце, и тогда «от избытка сердца глаголют уста». Жизни сердца, соединению его с разумом старец придавал, пожалуй, центральное значение, что ставит архим. Софрония в один ряд со многими русскими мыслителями, начиная от славянофилов с их идеей цельного разума, противостоящего рассудку.

Тем не менее для выражения своих благодатных познаний необходим определенный инструментарий, понятийный словарь, и в этом смысле архим. Софроний являет собой редкий пример сочетания святости и образованности. В своих сочинениях, письмах и беседах он часто ссылается на известных философов, писателей, поэтов: Н.А. Бердяева, О. Конта, Ф. Шлейермахера, Плотина, блаж. Августина и др., основы знаний о которых, скорее всего, были получены им в Православном богословском институте преподобного Сергия Радонежского. Через общение с ведущими русскими философами в Париже архим. Софроний еще более углубленно интересуется проблемой личности. Большое влияние на него оказал В.Н. Лосский, с которым архим. Софроний сблизился после возвращения с Афона в 1950-е гг. С ним он издавал журнал «Вестник Русского Западно-Европейского

экзархата», где помещались статьи богословского, догматического и святоотеческого характера. Именно благодаря В.Н. Лосскому в свет вышла книга «Старец Силуан» — первоначально архим. Софроний хотел опубликовать записки старца, но Лосский побудил его написать введение, которое и составило сам труд. Возвратившись во Францию не по своей воле в 1947 г., после более чем двадцатилетнего пребывания на Афоне, архим. Софроний вновь сблизился с Православным богословским институтом преп. Сергия Радонежского, в частности с профессором института прот. Георгием Флоровским, которому писал письма и посылал свои богословские работы на рецензию. Будучи основателем и игуменом монастыря в Эссексе (Англия), архим. Софроний посылал насельников своего монастыря учиться в Православный богословский институт преп. Сергия Радонежского, полагая богословское образование важнейшей частью духовного становления для своих монахов. Так, например, архим. Кирилл (Акон), избранный настоятелем монастыря еще при жизни старца, выпускник богословского института, учился там по благословению архим. Софрония.

Таким образом, мы наблюдаем удивительную реверсию: от теоретического богословия архим. Софроний уходит в монастырь для стяжания практического богословия, «богословия сердца», просвещенного непрестанным покаянием и молитвою. Потом он вновь возвращается в мир с обретенным опытом и знанием, которые выражает на языке теоретического богословия, наполняя его новым содержанием, смыслом и значением. Эта реверсия характерна для многих отцов и учителей Церкви (можно вспомнить святителей Василия Великого, Григория Богослова, Григория Паламу). Для них, как и для архим. Софрония, первичным также являлся опыт сердечного, внутреннего богословия и богообщения, который ставился во главу угла их духовной жизни.

По слову архим. Софрония, сердце, которое не исстрадалось и не изболелось в поисках Бога, не получит благодати. Основное отличие Православной церкви от Католической, по его мнению, заключается в характере молитвы: католики не понимают долгих многочасовых служб, поскольку молятся интеллектом и утомляются уже через полчаса такой напряженной молитвы. Интеллект имеет прямое отношение к телу через воображение, отсюда явление стигматизации в католичестве. Святоотеческое предание обращается к сердцу человека, через него, в отрыве от воображения, происходит выход к его духовному центру, ипостасному началу. Правильные методы сосредоточения и покаяния, сердечно теплое отношения к Богу и ближнему, при котором монашество понимается как «особый вид любви», открывает глубинные измерения личности, выход к ним лежит через подвиг самоотречения. Чем больше самоотречение, отказ от эгоизма, самолюбия, самолюбования, тщеславия, тем больше приближение к подлинной сущности человека, а от нее — к Богочеловеку, приобщение к Которому и открывает православное богословие. Именно в данном ключе нужно понимать богословие архим. Софрония: оно исходит от «сердца сокрушенного и смиренного», а не из гения разума и блестящей образованности. В этом же ключе нужно понимать святоотеческое богословие вообще. По слову старца Силуана, совершенные «от себя ничего не говорят <...>. Говорят лишь то, что дает им Дух» [Софроний (Сахаров)

1991, с. 27]. Это идеал восточно-православного богословия, когда ни одно слово или переживание не может быть запечатлено на бумаге, если оно не выстрадано сердцем, не вымолено. Опыт преп. Сергия также был трудным опытом: он претерпел голод, холод, одиночество, страх от диких зверей, непонимание. Святость человека раскрывается в подобных испытаниях.

Архим. Софроний противопоставляет психологический план познания и онтологический, когда Бог переживается как Бытие и живая, конкретная Личность, а не отвлеченное понятие. В поисках подлинного бытия архим. Софроний покинул Париж, понимая, что, получив богословские и церковно-исторические знания, он не получит знания Бога и Церкви. Тем не менее, вернувшись в Париж, он передал свой опыт, таким образом обогатив Церковь. Можно сделать очевидный вывод: богословие, церковная история и предание возникают именно благодаря таким духовным «радикалам», которые, появляясь в каждую эпоху, способны вдохнуть новую жизнь в поблекшее, ставшее рутинной церковное знание. Подлинное онтологическое знание человек усваивает с раскрытием всех своих внутренних сил, приобретая тем самым неистощимую радость как цель долгого пути. Через таких людей, как архим. Софроний, приоткрывается тайна святости. Через их богословие раскрывается тысячелетняя традиция, связующая единым опытом и мировоззрением христианский Восток в древности (мистическое богословие преп. Исаака Сирина), византийскую культуру (преп. Симеон Новый Богослов, свт. Григорий Палама), древнерусских подвижников (преп. Сергей Радонежский) и современных интеллектуалов, каким был сам архим. Софроний. Во всех упомянутых случаях христианство раскрывается как в высшей степени мистическая, лично ориентированная религия и философия, которая преображает человека, раскрывая в нем подлинное, общечеловеческое достоинство.

Литература

- Захария (Захару) 2003 — *Захария (Захару), архим.* Христос как путь нашей жизни: Введение в богословие старца Софрония (Сахарова). М., 2003.
- Иерофей (Влахос) 2013 — *Иерофей (Влахос), митр.* «Знаю человека во Христе...»: Жизнь и служение старца Софрония, исихаста и богослова. Сергиев Посад, 2013.
- Софроний (Сахаров) 1954 — *Софроний (Сахаров), иером.* Заметка к новому переводу гимнов преподобного Симеона Нового Богослова // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего экзархата. 1954. № 17. С. 20–24.
- Софроний (Сахаров) 1991 — *Софроний (Сахаров), архим.* Преподобный Силуан Афонский. Эссекс, 1991.
- Софроний (Сахаров) 1997 — *Софроний (Сахаров), архим.* Письма в Россию. Эссекс; М., 1997.
- Софроний (Сахаров) 2000 — *Софроний (Сахаров), архим.* Видеть Бога как Он есть. М.; Эссекс, 2000.
- Софроний (Сахаров) 2003 — *Софроний (Сахаров), схиархим.* Подвиг богопознания. Письма с Афона (к Д. Бальфуру). Эссекс; М., 2003.